



ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

Спало Куликово поле, и все вокруг призывало к раздумьям, осмыслению здесь происшедшего...

Много Русь пережила битв, но, пожалуй, ни одна из них дотеле не ставила вопрос так: быть или не быть? Нет, мы не потерпим ига и на коленах жить не будем. И двинул через Дон по переправе навстречу Мамаю свои отряды князь Дмитрий. Чтобы России «не исчезнуть», как Карамзин писал.

Лежал густой туман, храпели кони в тесноте великой, строились порядки боевые. И у кого-то сохли губы в волнении перед сечей, и воин вспоминал Непрядву, где спешился попить в последний раз воды студеной. Ратники еще не знали, что великий князь Московский получит за победу прозвище Донской, а им самим вечно жить в былинах и сказаниях, в сердцах потомков. Одно лишь было на уме: не отступить, отстоять Россию.

Всегда был и будет вдохновляющим примером подвиг предков наших, не давших золотоордынскому мечу сразить Россию. Готовя в Тарутинском лагере губительное для наполеоновских войск контрнаступление, Кутузов писал: «Река Нара станет для нас так же знаменита, как Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные полчища Мамаю».

Махнул рукой: пустое, мол. Ответил:

- Постой-ка лучше здесь. На этом самом месте схлестнулся с Челубеем Пересвет. А ты - ковыль...

Кто точно скажет, где они сошлись? Пусть тут. Я почувствовал желание пастуха поговорить.

- Видишь курган? Под ним наши русские косточки. Поди, и мы с тобой из них взойшли.

Я вынул из кармана схему битвы. Да, вот она, за ветлами, деревня Хворостянка. Тут стояли русские полки. Земля, веками ждавшая пахаря, истоптанная набегами варваров. Уткнулся в нее лицом. Полены, мятый запах. И грозный стук копыт услышал, и крик:

- Эй, рус, зову на бой!

Несутся, пики выкинув вперед, наш витязь Александр Пересвет и богатырь «велик и страшен зело» Челубей - до этого он выиграл 300 поединков. Сошлись и - пали, сразив друг друга.

Мгновения длился поединок Пересвета, а молва о нем ушла в столетия. И имя витязя Ослябя не забудется, и воеводы славного Боброка... Разве перечислишь всех богатырей, славу России понесших отсюда - с поля Куликова!

- Дубрава, где стоял Боброк с засадой, рассказывают, выросла за одну ночь. Чтоб наших воинов укрыть, - поведал на прощание пастух. - Потом из тех дубов восемь дней гробы били.

Поднимется новая дубрава - ведь корни ее остались в этой земле. И люди уже холят новый лес. Память. Вечная память.

Двух троичных иноков, Пересвета и Ослябя - в прошлом брянских бояр и известных богатырей, по велению великого князя погребли (есть версии о более поздней кончине Ослябя) возле храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове на реке Москве. Эту церковь, говорят древние письмены, за десять лет до сечи срубил сам преподобный Сергей вместе со своим племянником Феодором (Симоновским), который стал духовником великокняжеской четы - Дмитрия и Евдокии. Затем, спустя почти полтора века, на месте деревянного храма вырос каменный - нынешний, и могила героев Куликовской битвы оказалась в стенах обители.

детельства посещения могил троичных иноков Иваном III, Иваном Грозным, Федором Алексеевичем, Екатериной II, выделившей большие средства на надгробную сень, Николаем II... А в 1926 году храм был переоборудован в компрессорный цех завода «Динамо». И лишь накануне 600-летия Куликовской битвы началось его воссоздание. Теперь вот сработана и новая дубовая сень - точная копия старой. Правда, та была из неповторимого каслинского литья. И колокольня поднялась, где скоро пробасит двухтонный «Пересвет», отлитый в Брянске, - недавно его доставили в Москву.

В России три великих поля - Куликово, Бородинское и Прохорово. И хотя Куликово было, есть и будет первым, оно пребывало как бы в забвении. Тут и храмы стояли закрытыми: ни паствы, ни священников... Дороги плохие... Оттого и поле - гордость русская - лежало на отшибе.

- Служить в храме Рождества Богородицы на Непрядве ездим мы, - говорит отец Валерий. - Обихаживаем его, участвуют и наши московские прихожане. Путь туда не близкий - около 300 километров. Где взять машину, бензин?... В один из приездов по просьбе местных жителей мы освятили сельскую школу и детский садик. В тамошнем селе Монастырщина, где в конце 90-х годов зарплату выдавали спиртным, живут около 30 замечательных ребятишек. Однажды во время службы, проходившей зимой в неотопляемом храме, у меня сильно замерзли руки, и я попросил мальчиков надеть шапки. Один из них от лица всех отрицательно покачал головой и сказал: «Здесь - никогда!» А посмотрели бы, как детвора внешне - млет рассказам о подвиге предков наших!

- Отец Валерий, вы постоянно бываете на поле Куликовом. Не стало ли это для вас обыденностью?

- Это всегда праздник. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Хочу надеяться на великодушие и мудрость мужей, облеченных саном и властью: было бы замечательно, чтобы воины принимали здесь присягу, где-то неподалеку организовать воинскую учебную часть, для детей - летний военно-патриотический лагерь, наладить постоянные экскурсионные поездки с обязательным богослужением в храме...

Стою под стенами московского храма Сергия Радонежского. Льет окрест - над Таганкой, Яузой, Рогожкой - звон колоколов, будто идущий из глубин времени. И точно наяву вижу наставляющего нас троичного игумена, чье имя носит эта старая, в рекламной мишуре улица: «Берегите Русь».

УСЛЫШИТ ПОЛЕ ГОЛОС «ПЕРЕСВЕТА»

«Тут они, аккурат, и двигались», - думаю и пытаюсь представить вместо потока машин пыльную, среди пригородных нив дологу, по которой пеше и конно уходили на Куликово поле московские ратники.

Я же отправился в другую сторону - в Троице-Сергиеву лавру. Чтобы от древних стен услышать вещий сказ великого старца, к коему в 1380 году 18 августа по старому стилю, за три недели до сечи с ордынцами, прибыл за благословением, духовной поддержкой князь Дмитрий. Во время трапезы после обеда Сергей как бы невзначай обронил:

- При сей победе тебе еще не носить венца мученического, но многим без числа готовятся венцы с вечной памятью.

Князь был поражен: Сергей говорил о победе, как о чем-то уже свершившемся. Растроганный Дмитрий попросил старца:

- Отче, дай мне с собой двух иноков от твоего чернеческого полка, двух братьев - Пересвета и Ослябя. С тем и отбыл...

Как и договаривался с шофером, он подвез меня до условленного места и был таков... Где-то вдали отгудела его машина с зыркающими фарами, и все смолкло.

Я бросил на землю брезент, присел, вслушиваясь в ночь. Никого на Куликовом поле. Да и кто сюда забредет в эту предосеннюю непроглядь, воскращающую звуки страшной брани? А тут еще испуганный крик птицы... Вскинулся с брезента с неприятным холодком по спине, но потом понял, что ей тоже, как и мне, одиноко, не по себе здесь.

Небо смотрело на землю далекими желтыми звездами. И если бы не спокойствие белых, рвущих темь близких стен храма Сергия Радонежского (у здешней обители тоже имя духовного объединителя Руси!), сырая ночь вползла бы и в сердце, ущемив его. Торопливо перекрестился.

Смолилась ночь. Было до жути тихо. Угадывались главы, увенчанные воинскими шлемами, и виделись в очертаниях шусевской постройки былинные богатыри. И вдруг эту тишину, затаившуюся и во мне, тронули звуки. Они нарастали, торжественные и грозные. Пытаясь понять, что же воскресила память, я прикрыл глаза и мысленно увидел сияющий огнями концертный зал. Героическая симфония - кантата Шапорина «На поле Куликовом» - смеялась стены, звала сюда, под это небо, и вот теперь ночью птицей плыла музыка над Доном, Комариным бродом, Утиной гатью, над устьем Непрядвы.

И неумолчно в ушах звучало блоковское:

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла
И, словно облик суровым,
Грядущий день заволочла.

И сорок первый пришел зовущим: вставайте, народы, сплоченные Русью в единый, могучий Союз! Пусть осеняет вас знамя великих предков! И над заснеженной Москвой 1941 года, над всей страной прозвучало имя Дмитрия Донского. Уходили полки защищать столицу. Били шаг мимо Кремля, откуда в поход против орд Мамаю выступили в 1380 году русские войска.

Ни звука на Куликовом поле. Но отверну немного в сторону - услышишь рвущиеся из земли удары сердца, увидишь языки Вечного огня у Курганов бессмертия. Их насыпали пригоршнями час за часом, день за днем, и они поднялись окрест поля славы русской. Возле него в упорном бою артиллеристы 346-й стрелковой дивизии остановили фашистские танки. Много полегло у самого поля Куликова, но не дали опоганить святыню. А пришел час - бойцы 10-й армии погнались гитлеровцев, и те бежали, как некогда орды Мамаю.

Не битая чужим сапогом роса заиграла с первым лучом солнца на клеверах, разнотравье. Все поле светилось радостью и будто пело, наполняя душу очарованием восходящего дня. Слева, на Красном холме, где стоял шатер Мамаю, четко обозначился литый из чугуна двадцативосьмиметровый памятник павшим тут русским воинам. Он построен на народные деньги по проекту архитектора А.П. Брюллова.

По берегам Непрядвы мрачные холмы - и прах, и слава. «Была сеча ожесточенная и великая и бой упорный, сотрясение весьма великое: от начала мира не бывало у великих князей русских, как у этого великого князя всяя Руси. Пролилась, как дождевая туча, кровь...»

Исходив все поле и даже найдя наконец от стрельы, я пробирался по руслу почти пересохшей реки Смолки, упоминающейся в летописях, к Зеленой дубраве - именно там таился засадный полк, решивший исход битвы. Вспорхнула стайка уток. Я выбрался на косогор, к давно примеченному стаду. И снова открылось под темнеющим к дождю небом все Куликово поле, и пастух, словно сторож тихого, огромного пространства, шагнул навстречу.

- Это ли Утиная гать?

- Подале. На что тебе она?..

- Говорят, ковыль там можно встретить - тот, былинный...



ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

- Останки покоятся где-то на глубине нескольких метров, - говорит мне отец Валерий, только что отслуживший обедню под древними куполами. - Пересвет и Ослябя были приняты покровителями Военно-морского флота России. Их имена носили два крейсера...

В одном из исторических документов я нашел сви-

Интересно, удивительно распорядилась жизнь. Сами судите: случайно ли?.. Валерий Мешков (отец Валерий), окончив МАИ по специальности «двигатели», строил самолеты в Тушине, где тоже сгорены герои Куликовской битвы. А став священником, оказался в храме, напрямую связанном с историческим, определившим судьбу России полем, неподалеку от которого родилась его мать. И рассказывают, что настоятеля Старосимоновского храма Рождества Богородицы отца Владимира прозывали в семинарии Пересветом - за его могучесть.

...«Мы огромны, как матушка Русь», - говорил Достоевский.

Владимир ЧЕРТКОВ

P.S. Отец Валерий написал книгу «Священный зов». Там есть строки известного русского генерала-белогвардейца Петра Краснова: «...Император Вильгельм собрал всех наших пленных мусульман в отдельный лагерь и, заискивая перед ними, построил им прекрасную каменную мечеть. Я не помню, кто именно был приглашен в этот лагерь из высокопоставленных европейских лиц, кому хотели продемонстрировать любовь мусульман к русскому «игу» и их довольство в германском плену. Но дело кончилось для германцев весьма плачевно. По окончании осмотра лагеря и мечети на плацу было собрано несколько тысяч русских солдат-мусульман.

«Теперь вы споете нам свою молитву», - сказала осматривающее лицо.

Вышли вперед муллы, пошептались с солдатами. Встрепенулись солдатские массы, подравнялись, и тысячеголосый хор под немецким небом, у стен только что отстроенной мечети дружно грянул: «Боже, Царя храни...» Показывающий лагерь в отчаянии замахал руками на них. Солдаты по-своему поняли его знак. Толпа опустила на колени и трижды пропела русский гимн. Иной молитвы за Родину не было в сердцах этих чудных простых русских солдат».